

Найдена Лапина не любила подделок. На фестивале ремесел, куда директриса иногда посылала Найдену, нужно было надеть наряд русский — сенокосную рубаху с пестрым сарафаном — и в отдельном резном домике несколько часов плести крючком кружева. Она плести-то умела; это заслуга не бабушки, которая этим мастерством не владела, а школы традиций, куда пять лет девушка ходила. Кроме школы, у нее было два бича — компьютерные курсы и школа традиций. Так что вот: посадят тебя в фанерную беседку, ровно куклу ряжену, ты и плетешь. Найдена не огрызалась на директрису, хотя шла, сжимая губы от раздражения. Директриса была ее подружка, и ссориться с нею было нельзя.

Однажды директрису пригласили на встречу с писателем, но той было некогда, новую выставку строила, и она отправила вместо себя Найдену. Но Найдена вдруг вскинулась: для этого надо роман читать на восемьсот страниц. «Милая, ты для меня много значишь, но ненужный роман читать я не стану», — бросила тогда Найдена. Это был единственный случай бунта. А вообще по жизни Найдена была кротким существом. Она ходила на работу в музей, втихомолку грызла сложный и ненужный ей роман. А вот сидеть в фанерной беседке — полный ужас. Ладно

еще народ ходит, интересуется. Но, господа, человек с дипломом культуролога не может притворяться красной девицей так долго! Даже за рабочую ставку.

Найдена зря негодовала. Ее фиолетовый сарафан в мелкий цветочек и с атласной лентой по краю и плетеная головная повязка с бусинами так и притягивали взгляды. Женщины подходили, интересовались узором. Готовые браслетки, ободки даже покупали. Черные Найденкины глаза, близко поставленные и казавшиеся близорукими, улыбались навстречу. Тетрадка распухла от отзывов. Ведь понятно, что мастерицы зрелого возраста всем казались опытными, а тут девчонка девчонкой.

В понедельник предстояли проверки запасников. К Найденке сразу вернулось обычное равновесие духа. Старый свитер и столетняя юбка в клеточку, фартук и перчатки — милое дело.

Коробки с уже атрибутированными экспонатами носила в третью мастерскую, где реставраторы сидят. А с неизвестными — в нулевую. Пусть мастера решают, атрибутировать или удалить совсем. В зависимости от того, насколько ценен этот экспонат. День на третий добралась до ящичков непонятного происхождения. Тара по виду новая, а содержимое без упаковки. Свертки тяжелые, клеенчатые, обмотаны грубой мешковиной, вроде как на заводе. Размотав один моток, остолбенела. На клеенке была изображена дикая сцена изгнания какого-то святого из храма. И все вокруг тычет пальцами на дверь. А лица свирепые, искаженные. А храм-то знакомый, он же часть их музейного комплекса, да и этот как бы святой... Она его узнала. Он и вправду был как святой — всю жизнь отдал искусству, много лет музеем руководил. Читал лекции за рубежом. Энтузиаст немислимый. И вдруг его взяли и вышвырнули. И заболел, и слег. Для человека нет страшнее, чем осознание своей ненужности.

Только одежда на всех старинная, голландская. Все сочувствовали ему, но вступить не смели.

Еще один сюжет: мертвец, лежащий на столе, причем не в гробу. А у стены сброшены одежды и костыли. А вокруг стола нарядные гости с радостными лицами пьют вино. Чему же они радуются? И вообще, как можно радоваться на поминках? Хотя, может быть, кого и достал при жизни? Найдена не сталкивалась с лауреатами, никого лично не знала.

Один сверток, самый маленький, отнесла в нулевую мастерскую. Там как раз оказалась искусствовед, седая заносчивая дама.

— Посмотрите?

— У меня вон сколько на очереди!

— Но вы не могли бы в порядке исключения? Правда. Интересно.

— Деточка, вы на практике?

— Ага, на практике, — соврала Найдена.

— Вот и соблюдайте очередность.

Найдена кивнула, поняла, что отложат в дальний угол и забудут. А сама как припустит в свой подвал. Вообще-то раньше запасники разбирали бригадой, но теперь на фоне тотального сокращения... Она отмечала в журнале, куда и сколько передала единиц хранения. Но, в принципе, ее никто не проверял. Вот директриса на шпильках разве поползет в этот медвежий угол? Нет, конечно.

Находка разволновала девушку в клетчатой юбке. Через пару недель начальство потребовало, чтоб Найдена вернулась к прямым обязанностям в музее и вела, как обычно, экскурсии, и она, конечно, вернулась. Но тайна необозначенных единиц хранения притягивала все больше. Седая

каждую вещь рассматривала помалочку. А ее мнение уважали. Ведь она всю жизнь занималась атрибуцией фондов музея. Атрибуция — это такой сложный процесс в живописи, когда эксперт ищет автора и присваивает картине ее настоящее имя — то, что дал художник, ее написавший. Ну и, возможно, всякие сопутствующие тому обстоятельства. Эксперт хорошо знает манеру каждого известного автора и может по отдельным штрихам, отдельным элементам догадаться об авторстве всего полотна. Но это если он известен. А если нет?

Найдена раскрывала разные энциклопедии. Манера неизвестного художника напоминала ей нескольких авторов. Причем голландских. Странная картина с мертвецом на столе как будто от Хальса. У него — «Стрелки гильдии святого Георгия». Много действующих лиц, но все разные. Выражения лиц такие, будто они из разных компаний. Будто их писали по-отдельности, но потом собрали на одно полотно. Ведь они даже не смотрели друг на друга и тем более на того, кто лежал на столе. Яркость красок не нарушала колорита — сдержанного, классически темного.

Была еще одна работа, которая будоражила воображение. На того же Хальса показывала цыганка, но в какой странной атмосфере! Это был не замкнутый на себе портрет, он был частью театральной сцены на фоне роскошных береговых деревьев!

Найдена вспомнила. Когда-то в городе был приезжий театр. Там давали «Цыган» Пушкина. К цыганке подкрадывались с клинком наперевес. Ее могли прикончить. Но она продолжала свои безумные танцы. Найдена почти узнала цыганку, персону нон грата для официальной культуры, только вот область дерев — точно на «Болоте» Рейсдала. Все так дымчато, романтично. Прихотливо изогнуты стволы. Пленительны заводы с лунным отблеском. И даже видно лодку, на которой мог убежать Алеко. Боже мой, но почему семнадцатый век? В те времена цыганка могла, конечно, быть в центре внимания. Но, скорее, певичкой, девушкой легкого поведения. А тут богемное, шитое бисером платье. Да и лицо — и смеющееся, и гневное — как-то отрезало ее от толпы.

Ну хорошо, художник мог увлечься великими и малыми голландцами. Он мог их копировать в пылу своего фанатизма. Но персонажи были не оттуда, и самое тревожное — нигде ни одной подписи. Почему же без подписи все?

И вот новая экскурсия, которую вести Найдене Лапиной. «Уже первая исследовательница русского кружева С. Давыдова, разделяя его на «аристократическое» и народное, отмечала исключительную оригинальность и самостоятельность последнего. То есть народного...» — слова заученно сыпались с губ. На Лапиной коричневые роговые очки и маленький кружевной воротник, зеленое узкое платье.

Она не волнуется. Текст знает. Но локти прижаты, плечики приподняты. Непонятное напряжение. Экскурсия из правительства, сплошь москвичи. Их сопровождающий — бледный, слегка небритый молодой человек в таких же очках. Пиджак на нем темный, а заплатки на локтях замшевые. Но дело не в этом. В лице что-то странное... кого-то напоминает этот молодой чиновник. «...Наши мастера прославились своими работами на весь мир. Морозный иней местных кружев не тает ни в Париже, ни в Брюсселе, ни в Риме».

Молодой человек с заплатками после экскурсии подошел. Поблагодарил, вручил коробочку с мелким шоколадом. Это так нарядно, когда каждый квадратик в своей обертке и с гербом.

— Наши гости из Москвы очень довольны, — сказал он сухо. — Все ожидали увидеть доисторическую старушню, а здесь вообще фея.

— Спасибо. Я доходчиво говорила?

— Еще как доходчиво! И с румянцем...

— Видимо, волновалась, первый год работаю.

— Нет, очень достойно! Имя у вас старинное. На бейджике прочел. А

я Богдан.

— Будем знакомы, — она несмело улыбнулась.

— А что заканчивали, Найдена?

— Нашу культурологию.

— Вот те раз! Я тоже туда поступал. Но не смог. Пришлось на юриспруденцию.

— Может, и к лучшему?.. Ну, всего доброго.

— Еще увидимся, — и подал визитку с серебром на черном. Эстет.

«На кого-то он похож», — с досадой вспомнила Найдена, бережно складывая казенный воротник. Он не то чтоб понравился ей, но, скорее, ей важно было не вылезать из своего гнездышка. Не хотелось его узнавать вообще. И почему он там работает, если хотел на культурологию. Вот она, если уж хотела...

Богдан приходил еще не раз. И не только высокопоставленных гостей сопровождал. Был и на отдельной экскурсии со сверстниками и сверстницами. Это она тоже отметила. Уж не хочет ли ей пыль в глаза пустить, что он любитель искусств? Чиновники — они такой народ, лощеный... Да, впрочем, ей-то не все ли равно?

Директриса, заметив многочисленные записи в книге отзывов, показала головой:

— Что-то к нам администрация зачастила. Хотя это неплохо. Кстати, как идут дела в запасниках?

— Наринэ Григорьевна, я же только начала... И меня опять на экскурсии.

— Будет поспокойнее — продолжишь. Ты в нулевую мастерскую тоже относила? Хотя у нас редко бывают сюрпризы.

— Да, но мелкое. Большие ящики пока нет. Если рабочего дадите...

— Найденочка, откуда мне их взять, рабочих? Сокращение. Ты пока сама. Сама... Только в журнал все заноси. И у реставраторов тоже.

И тут Найдена вдруг подумала про Богдана. Стыдно, конечно, ему такое предлагать, но если в разовом порядке... Мужчина все-таки. Помог бы ускорить дело.

Богдан согласился забежать в свой выходной, для этого и музейщица пришла не в свой день, она-то в выходные всегда работала. Договорилась, чтоб ей открыли вход в реставрационную и нулевую. Богдан — деловой, в линялых джинсах, в толстовке с пятнами краски. Без официального придика он был как-то проще и ближе. Они вдвоем одолели упаковку для реставрации, где все надписано. Потом ящик для нулевой. Запылавшись, присели в подвальчике на ступенчатые табуреты.

— А теперь я вам кое-что покажу, Богдан.

И она, поколебавшись, развернула перед ним загадочные клеенки. Она поняла, что ей жалко отдавать их, и оставила пока в подвале.

— Не очень-то я разбираюсь в живописи, — пробурчал Богдан, отряхивая линялые в разводах штаны. — Ну не будете же вы настаивать, что это... наивное искусство?

— Да какое там такое искусство! Это же техника голландцев. Смотрите, какая яркость красок, какая детализовка, но нет никаких мазков. Гладко написано.

— Голландцев, говорите? Копии, наверно?

— Почему?

— Да потому, что в те времена не писали на клеенках...

— Это неизвестно. Богдан, меня не техника смущает. Может, и копии. Но лица у них. Лица вполне себе местных мещан.

— Э! — сказал вдруг Богдан. — Кто такая?

И указал на цыганку.

— Что вас смущает?

— Похожа на мою маму. Ну если снять с нее эти старорежимные тряпки...

— Вы что, сын Сизовой?

— Ну да. Она, кажется, приглашала вас на обсуждение романа. Но вы не пошли.

Найдена покраснела густо, пятнами, как не должна краснеть тургеневская девушка. А она ведь и была тургеневская девушка.

— Что же вы замолчали?

— У меня был тяжелый период. А в романе восемьсот страниц. Я физически не успевала. Как же можно было идти? Не знала я предмет обсуждения. И потом...

— Не переживайте. Я тоже не читал.

— Она обиделась?

— Да полно! Там ей кучу отзывов настрочили.

— А я думала, она персона нон грата.

— Это кому как. А кто же все-таки автор цыганки? Наш современник? Я его знаю?

— Видите ли, мне кажется, я его знаю. Но вообще-то автор неизвестен.

— В смысле?

— Эксперт не может определить автора. Или не хочет. Это, говорит, стилизация. То есть подделка.

— А-а, то есть несуществующее.

— Вот не знаю. Антураж семнадцатого века, а персонажи двадцатого. А? Как вам этот фокус?

Найдена зашагала по подвалу, вскидывая руки. Ее черная коса летала по плечам. Ее черные глаза жмурились и метали искры.

— Слушайте, вы Хозяйка Медной горы. Дайте я щелкну. Или нельзя?

— Да почему. Мы же не на выставке.

Богдан несколько раз щелкнул картины, расправив их на полу. Ему не нравился свет, клеенка бликовала. Щелкнул он и ту вещь со стариком на столе. И изгнание лысого человека из храма. Да, много тут было намеков.

— А я знаю, что это такое.

— Что вы знаете?

— Старик — известный художник. Лауреат. У него особняк возле центра. Он умер прямо на вечере. Там выступала Сизова. Он вышел к микрофону, сказал приветственную речь — и все, через час увезла скорая.

— Да что вы. Опомнитесь!

— О, я-то в полном рассудке. Там куча народу была. Но на картине на людях одежда семнадцатого века. Видите?

— Ну да... А зачем?

— Для отвода глаз. Он, наверно, хочет, чтобы это осталось. Вы как напишете на ящике?

— Не я, дежурный искусствовед. Например, «Неизвестный художник. Копиист Хальса». Наверно. Это — как эксперты...

Они молчали некоторое время. Потом Найдена вспомнила, что музей закрыт и могут запереть главные ворота. Они пожали друг другу руки и пошли на выход, как заговорщики, не желающие предавать друг друга. На улице шел неправильный дождь: ветром его раздувало в разные стороны, и струи воды вихрились вкривь и вкось. Есть такая детская игрушка на палочке, цветная центрифуга, в этом духе.

Богдан обычно сидел допоздна на работе, а дома часами в играх. Он любил пересматривать экранизации, например, все версии «Гордости и предубеждения». Но так, чтобы обратиться к источнику, — на что оно надо? А еще он любил новые рестораны. Приходил, чтобы не торопясь разглядывать интерьер, сидящих там гостей. Как мужчина и женщина шутливо препираются из-за пледа и трижды пересаживаются на другое место. Или как кальящик готовит кальяны. Какие волшебные свистящие дымки струятся над ним. Он никогда не нервничал, что еду долго не несут. Он любил само зрелище, изнанку ресторана, и когда наконец блюдо приплывало к нему, только вдыхал запах. Богдан поэтизировал ожидание. Никогда никуда не несся рысью. Поэтому он очень удивился, когда Найдена отказалась с ним идти.

— А что такое? Не надо только говорить, что нечего надеть. У вас было такое зеленое и вы были с косой...

— При чем тут зеленое! Это униформа. Вы там будете смотреть, как у меня соус течет по подбородку.

— Не переживайте, там много салфеток. Можно заказать что-то без соуса. Ну а куда бы вы хотели?

— Я бы хотела на лыжах. Но лыж у меня нет.

— А на велосипеде?

— Тоже нет.

Богдан задумался.

— Можно снова заняться разборкой подвала.

— Это будни. А иногда нужен праздник!

— И где же он?

— Он за городом, в Старом подворье. Поедете?

На Старое подворье сыпал дождик. Выйдя из автобуса, туристы начали дрожать от зябкости и одиночества. Все окрестности затянул клейкий клочковатый туман. Дав им подождать минут двадцать, вышла женщина в платке и длинной юбке, с накинутой на плечи модной курткой. Она рассказала, из каких веков тут собраны избы, раздала народу зонтики, и они пошли на эти черные избы смотреть, скрипя деревянными мостками. Богдан озирался вокруг и понимал, что по доброй воле сюда едут только ненормальные. Но лицо Найдены в капельках воды было совершенно радостное. Женщина в накинутом на плечи платке взяла коромысло с ведрами и такое же подала Найдене.

— А ну-ко, девонька, за водой!

Вся компания следом. Богдан испугался — помогу давай. А Найдена колебалась, пока тетка набирала из колодца журавлем. Ей налили почти полные ведра! И тетка помогла взять на плечо. «Вот этак ручками придерживай». И Найдена, покачиваясь, пошла, пошла... Это было зрелище еще то. Маленькая, гордая, свирепо выгнувшись и сжав рот, она шла. Туристы

захлопали, а Богдан прохлопал, проморгал. Он почему-то боялся, что она свалится. Он заглядывал сбоку, пытался понять, упадет или нет. Не упала!

Ведро принесли в один дом, а пошли в другой. Да их не сразу пустили. Веселый мужик в синей рубашке, подпоясанный крученым шнурком, стал уговаривать корову купить. Народ, конечно, понимал, что это по приколу, а все же встряли в разговор. «Да она у тебя больная небось». — «Какое! Она здорова больше меня. Трехлетка. Да и стельная уже». — «Зачем же продаешь?» — «Дак у меня и так уж три коровы!» — «Ой, врешь ты, мужик». — «А вот идемте, я вас уговорю...»

Зашли в просторную избу, там за столом девочка в платочке покладисто сбивала масло. Под прибаутки девочка сбивала, и Богдану дали потрясти. Он не смутился, и вот — выдали крохотный квадратик черного хлеба: с только что сбитым маслом. Оно было даже сладкое!

— Ну вот, парень, а не хотел корову покупать! Теперь не уговоришь. Сам не продам.

Вокруг засмеялись. Найдена тоже посмеивалась. Так что обратно они шли вполне умиротворенные, и дождь кончился, и они женщине честно зонтики сдавали, и тут все дышало покоем и тишиной. Полоска заката подчеркивала день красным.

Фотографии из подвала Богдан выслал матери на электронку.

— А я видела, помню ту сцену на берегу, — сказала Сизова, снимая вторые очки, надетые на первые. — Псковский театр показывал.

— Ага. И они были в таких же костюмах? А ты там тоже играла?

— Нет, я не про костюмы. Я про сюжет.

— Так на цыганку же посмотри. На тебя похожа.

И опять надеты вторые очки на первые.

— Глянь, оно и правда, что-то есть.

— Наконец-то, мама. И что ты думаешь?

— Так я ничего не понимаю в художниках. Я обычно имела дело с поэтами. Ты же помнишь наши гостиные на краю города? Ты приходил после школы с портфелем и тихо сидел на диванчике, с чаем, с сушками. А вообще туда приезжали люди с двумя пересадками. Кстати, и поэты, и художники. Ведь я стремилась подружить музы. Чтоб на стенах картины. А под лампой стихи. Помнишь?

— Ну ладно, сколько мне лет было, чтоб я что-то помнил. Но этот человек знал ситуацию. Понимаешь? Особенно со стариком на столе! Эту ситуацию ты точно не забудешь?

— Да, ужас... Это точно он.

— Так я про автора.

— Вспомнить надо. У меня был однажды в кружке странный поэт в готическом стиле. Такой немножко вытарашенный, очень застенчивый. Ну и мрачные же у него вирши были. Он приходил с авангардистом. Авангардист бурно выступал, а тот молчал. Но однажды написал авангардиста сразу в трех позах...

— А он и рисовать умел?

— Говорю же, портреты писал. Да тебе зачем? Там же художники и кроме него были.

— Мама, в музее обнаружилось несколько работ неизвестного художника. И ты — персонаж. Ты понимаешь, как важно его имя вспомнить? Он зачем-то всех передел, видишь?

— Да вижу. Но манера как у голландцев.

— Мам, ты пойдешь в своих залежах. Этот человек тебя в историю вписал. Ты понимаешь? Значит, он на твоей стороне.

Сизова сняла все очки. Поправила махровый халатик, подтянула поясок.

— Ты вот говоришь, зря жила, зря писала. Вот же! Надо перекопать все.

— И что будет?

— А ничего. Напишут «копиист Хальса», и все.

Сизова пожала плечами.

— Да, ребенок показывает знание первоисточника... Поищу.

— И вообще, не знаю, почему тебя смущает та стилизация. Сейчас куда ни глянь — одна стилизация. Новое под старину стилизуют. Ты посмотри на эту гордость местного туризма, на Старое подворье. Там ведь все в игру превратили. Хотя одеты по-деревенски, коров продают. В избах все как тогда. А вот масло было настоящее. Сам сбивал!

Сначала Сизова подняла все файлы в компьютере. Там обнаружился так и не вышедший в свет альманах «Насон-город». В разделе поэзии — некто Эжен Готовкин, о котором она подумала, что тексты готические. У него потом появилась восточная женщина, и она поддерживала его не просто как человека, но и творчески, и сама художницей стала. А вот и о картинах Эжена, сохранилось в пыльном скоросшивателе. Надо же, как можно писать стилизации и в то же время быть реалистом. Это писала она сама, Сизова: «Тишина, торжественность и кротость льются с работ Эжена Готовкина, которого многие молодые считают своим учителем в живописи. Его картина «Ворота» проникнута ожиданием того, что будет там, за пределами картины. Ворота символизируют и вход на кладбище, и вход в природу — может быть, в какой-то иной мир. На его картинах тоже много старинных особнячков, хранящих дух старой, неторопливой, достойной жизни. «Ожидание» — так называется его картина с изображением трогательной сцены: бабушка на сельской улице, рядом — крохотная девочка с лохматой игрушкой. Поразительна работа «Улочка», полная того же романтического, светлого ожидания. Дорожка мокрая черна, мелкая листва на ней как монетки, и эта дорожка линейной изгиба как бы уводит вглубь, не дает стоять на месте. В пейзаже нет солнечных лучей, но воздух пронизан нежной моросью, так что кажется жемчужным. А есть работы, напротив, написанные очень ярко, даже экзотично («Тропа»). Пейзажи Готовкина отличаются от других еще и любовью к небу, облакам («Облако», «После дождя», «Облачный край»). Именно в небесной сфере происходит неуловимое движение, именно небо часто является композиционным центром картины». В сущности, он любил простые вещи. Вычурность «голландских» картин — это что-то вынужденное, вроде эзопова языка. Ведь не просто же так он не оставил на тех картинах своего имени.

НАСТРОЙ МЕНЯ ЛЕГКО

Тучи плотно облепили небо, казалось, они стекли прямо к окнам и на стекла давят. Больше месяца солнышка нет. Серая тяжелая зима так и толкает на безумства.

Павлина беспокойно слонялась по комнате, крутя в руках полотенце. Она решила круто изменить свою жизнь. А для этого придется изменить прическу. Быстренько вымыла волосы и теперь хотела их немедленно высушить. Но фен не работал.

— А давай прямо сейчас сделаем себе настроение? — предложила по-друга Иллария. — Ты говорила, у тебя есть дискотечный фонарик.

Фонарик был тут же найден и включен. Сразу стало легче. Огоньки залетали по просторной комнате, по ромашковому лугу на обоях, по старому белому шкафу, делая зигзаги в такт музыке. Бабочки взмахами крылышек чиркали ее по нахмуренному лицу, осыпая новогодними блестками. Надо же, несколько человек выпало из жизни Павлины Игоревны в последние полгода, они ушли, не оглядываясь, а френдлента сильно по-редела. «Ну и не надо!» — Павлина махнула на них рукой. Хотя сердце ныло.

— Надо сделать химию! — осенило Павлину. — Это будет резко отличаться от моего слипшегося парика! И форму будет держать!

— Да у тебя будет тюрбан на голове, — ухмыльнулась Иллария. — Получится эфиопская принцесса. Давай как у меня — хочешь?

А у нее была стрижка на полтора сантиметра. Хорошо, ей шло. Шея длинная. И глаза удлинняются. И вид молодой, испуганный. Но Иллария на этот образ работала титанически: два раза в неделю спортзал и овсянка на воде каждый день. Без молока. Вот действительно боец за свою красоту, железная воля. А Павлина была такая слабая и подверженная. У Илларии случались любовные передрыги, и это огорчительно для любой женщины, но не любая так из них выходит, как Иллария. Она молчит неделю, не обращает внимания на мерзкие СМС, не отвечает. Потом шьет себе сумочку с бахромой и желает взроему бывшему счастью. И совершенно спокойная и сияющая приходит к Павлинке делать стрижку.

— И ты не хотела бы его удушить? — спросила Павлина сквозь падающие со лба капли.

— Нет, конечно. Если он смог так со мной поступить, значит, он уже несчастен и карму себе еще больше испортил. Что с ним будет теперь? Полный тупик. Я стараюсь простить и посылаю ему самые светлые мыслеформы, оптимистичные.

— А я, Ларик, трудно прощаю, — призналась Павлина, садясь на стульчик. Иллария ее занавесила радужной накидкой парикмахера. — От меня десять френдов ушло. И кто потом обратно просится — не прибавляю.

От нее уходили френды, от нее отлетали пряди темных с проседью волос. А Иллария не допускала проседи, зорко следила. И держалась как струнка. А Павлина стеснялась при ней своей полноты и вздыхала. Она знала, что вот сейчас от нее отстригут лишнее и ей станет легче и веселее.

— Хорошо, — мурлыкала Ларик. — В тебе до сих пор обиды сидят. Ну вот приди какая-то обидчица. Допустим... с цветами? Неужели на порог непустишь?

— Нет, не пуцу, — заносчиво произнесла Павлина.

— А вот и зря, — ножницы задвигались быстро, залетали вокруг, как птица, щелкая клювом. — Ты помнишь правило? Сначала сделай вид доброжелательный, а потом и внутри злость пройдет.

— Да ну еще, притворяться перед всякой козой...

Телефон запел мощное ирландское «Благоденствие». Павлина нахмурилась.

— Да нет, я дома. Но я не знаю, меня сейчас стригут. Как-то неудобно. Ни посидеть. Ни поговорить.

— Не слушайте ее, — пропела в трубку Ларик. — Мы уже заканчиваем. Можно зайти.

— Ты что творишь, Ларик? — завопила Павлина, завозилась под накидкой, как всполошенная курица. — Зачем она мне нужна? Водила в театр два раза. Потом пропала навеки. Что я должна думать? Что она — умница-разумница, а я чокнутая бородатая старуха?

— Ты же восхищалась ею.

— Да! Еще бы не восхищаться. Преподает. Конференции ведет. Двух сыновей вырастила. Красавцы такие. Но ведь если она тебе навстречу шагнула, хочется, чтоб навсегда! Ты понимаешь? Я обнаружила — она такую прозу пишет интересную. Но она зашла за угол — и все, пропала. Каждую неделю в новом городе. Она путешествует до изнеможения. Но... изнеможение не приходит при такой прыгучести. Просто наступают рабочие дни, и она бодро идет на занятия. А раньше, если выпадало окно в расписании, я кормила ее супчиком и салатом. Мы столько говорили, смеялись...

— Ну вот видишь! — Ларик стряхнула накидку. — За что ж ее прогонять? Стрижка готова, давай свою краску «Палет». Вы давно не виделись?

— Около года. Возможно, два.

— Это еще ничего. Ну а что ты так заметалась? Все, волосы покрасила, вот тебе пластиковый беретик, через полчаса смывать.

Павлина поставила чайник. Солнце, несколько минут блесневшее за девятиэтажкой, снова утонуло в тучах.

— Я подарила ей мои книги! А она написала одну статейку и сдулась. А я ждала откровений...

— Милая, — Ларик обняла ее за плечи, — ты, выходит, не просто так дарила, ты ждала не дружбы, а дивидендов. Не каждый написал бы про тебя. Это то, чем не стоит рисковать. Она и одной могла не написать, сама знаешь. Это наказуемо. Но она-то написала! А?

— А остальные книги она даже не читала. Когда мы стали обсуждать черты моего стиля, я поняла — она не может ни одной цитаты припомнить, ни одного примера привести. Потому что текстов не читала.

— Ну а ты что? Высказала? — Ларик уже разливала чай.

— Я... Да, я написала ей цитаты, сама.

— И?

— И она как ни в чем не бывало уехала в Швецию и вообще ничего на этот счет писать не стала. А ведь я ей все подготовила.

— Неужели в выгоде все дело? А если без выгоды?

— Да я просто скучаю. Она же водила меня в мелкие стильные кафешки, заказывала чай масала.

— Так ты возьми да сама завари этот чай. И тебе покажется, что...

— Ничего не покажется. Год назад она еще вопросы какие-то задавала про мои книжки. А теперь — все! У меня появилась надежда, что общество меняется. Но ничего подобного. Я остаюсь неуслышанной. У нее, конечно, широкий круг общения — на кафедре да в альма-матер. А что я...

Они помолчали, похрустывая печеньем.

— Нет, меня просто бесит эта пустышка.

Да, но пустышка идет нарасхват. Ее никогда нет дома, летает с поезда на поезд. А удел Павлины — сидеть и ждать, когда ее величество со-благоволят...

Ларик засмеялась. Только хотела что-то сказать, как ее мобильный затрезвонил. Она стала говорить тихо, немного томно, поглядывая за окно. «Нет, я не дома. Неудобно говорить. Как это — приедешь? Сразу пять человек? Увы, ненаглядный. Да, экскурсию могу, но вписывать никого не стану. Ремонт у меня».

Это, наверно, был коуч из Поволжья, они познакомились на фестивале. Немного затеплилось что-то, но сейчас он притащил ей сразу пять человек. Понятно, все испортил своей выгодой. Ларик просекла его прагматизм, ее не обманешь. Это, правда, как-то не комильфо. Не успел полюбить, уже пользуется.

Иллария говорила и одной рукой гладила себя по коротко стриженному затылку. И длинные пальцы с маникюром чуть светились в черной стрижке. Ну сколько бы вы ей дали? Тридцать? На самом деле Ларику за пятьдесят. Вот женщина!

Бах — кодовый звонок. Неужели?

Внизу хлопнула дверь, послышались шаги на лестнице. И вдруг — эхом ромаса: «Ехали на тройке с бубенцами, а вдали мерцали огоньки. Мне б теперь, соколики, за вами...»

Конечно, конечно, это шла чудесная плавная Кася, равнодушно бросившая ее, Павлину, вместе с ее романами и супами. Только Кася могла напевать на лестнице, не боясь, что ее примут за пьяную. Кася всегда была верх естественности; рыжие пряди струились по серой курточке, их раздувал ветер. А могла прийти в белой кроличьей жакетке и красной пузырьчатой юбке — даже в дождь. И это тоже было естественно и нарядно. А Павлина в вечной черной юбке в пол и полосатом джемперке с бусинами вокруг хомута — всегда одинаково, будто себе в упрек.

— Здравствуйте, голубушка Павлина Игоревна, — преувеличенно вежливо пропела Кася.

Входя, одной рукой стягивала куртку, второй делала приветственный жест, как актриса из авто.

— Здравствуйте, здравствуйте, — ехидно ответила Павлина, делая реверанс и наклоняя мокрую голову.

— Проходите, — Иллария приняла куртку, закрыла дверь, жестом предложила войти.

— Я не вовремя? — испортить улыбку Каси было трудно.

— Мы тут слегка чепуримся. Но чай-то можно? Да, Павлушечка?

Павлину поймали и приперли к стене. Она сделала милое лицо и снова поставила чайник.

— Ах, конечно, чайник. Я вкусного принесла, — женщины уютно сплотились, зашуршали обертками и ароматными изысками.

— Но, Кася, ты прекрасно знаешь, что мне это все нельзя! А вы с Лариком — пожалуйста.

Итак, компания оказалась за столом. Слишком круто заваренный чай с мандариновыми корочками, и разрозненные печенюшки, и огромный пакет сладостей, принесенных Касей, превратили стол в кондитерский прилавок, даже чашку было некуда поставить. Есть такие конфеты, которые называются «Степ»; они сделаны из густого какао с нугой, есть добавка из фруктов, вафель и орехов. А есть такие конфеты, которые состоят из абрикосов или чернослива в шоколадной обливке, и все не менее

вкусно. Павлина враждебно смотрела на эти тутти-фрутти и есть их не собиралась.

Кася и Иллария были практически незнакомы, но разговаривали так, будто знали много лет. Обсуждали новый театр, который насильно закрыли. Театр своей труппой во второй раз построился и открыл сезон на зло врагу. Кася-то — понятно, она театровед, но Иллария сидела в своей библиотеке. И вот они давай обсуждать постановку сказки про Герду! Оказалось, на этой постановке не просто столики стояли хаотично, но там в течение пьесы даже шампанского наливали, и это было классно. Классно, сплошная игра в правду и ложь. А Павлина Игоревна сидела, смотрела в телефон, потому что пьесы не видела. Ей бы эта хитрость с шампанским не понравилась. Она потихоньку отнесла в этот театр свою пьесу. Но ответа так и не поступило. Стало ясно, что ни шампанским, ни чем-то другим на ее пьесу заманивать не станут.

Каждую по-отдельности Павлина знала давно, а теперь вышло, что она сидит рядом с ними и молчит. Она же болтливей их обеих вместе взятых! Но как было раньше: приходила Иллария, чтобы сделать стрижку. И пока ее стригли, Павлина послушно выбалтывала все, что душу томило. А она всегда тревожилась — про детей, про книжки.

Это происходило незаметно! Павлина одним глазком посматривала в зеркало, замечала, что Иллария слушает ее внимательно и кивает, поправляет и подравнивает непослушные пряди, а потом отпускает однозначное и похвальное замечание: «Да!», «И не говори!» — а потом вдруг и вывод после всего! «Да полно тебе, Павлина, дети как дети, что ты все выдумываешь», — и прибавляла что-нибудь про себя.

И все было наоборот, когда приходила Кася и Павлина пыталась угостить ее нехитрым супчиком или печеночными оладьями. При этом говорила всегда одна Кася, а Павлина в нетерпении помалкивала. Потому что у Каси был поток информации — сколько студентов из группы пришло на занятия, на какой конференции она только что побывала, как поживает ее выпускник, ставший директором музея. Тут уж Павлина молчала, кивала, поддакивала. А на самом деле она, может быть, ждала вопроса о себе, о своих замыслах, но эти вопросы не поступали. Кася была переполнена всегда, с того памятного семинара.

Как Павлина и Кася познакомились? Да просто шел семинар, и в поле зрения попала статья Каси, которую Павлина похвалила, и они вместе пошли домой. Вот так это было в те времена. Кася вела себя очень тонко, всячески намекая на то, что ей повезло с новым знакомством, что она готова читать новые книги и разбирать их вместе. Павлине, конечно, польстило, но это кончилось очень быстро. И вот сейчас, когда можно было разговаривать о чем угодно, она молчала. Она точно знала, что Кася не читала ее книг, что Иллария тоже не читала ее книг, и вообще они с Лариком вели себя очень независимо, давая понять, чтобы их никто не трогал.

Павлина внезапно вздохнула:

— У меня тут книжка вышла, девочки, не хотите взглянуть?

Это был порочный путь, так делать было нельзя! Искусство не стоит заедать шоколадом. Надо было подождать, когда они сами обратят на нее внимание, сами спросят, но этого не происходило. По времени терпеть не хотелось, вот она и протянула им книжку. Они со скучными лицами перестали болтать про шампанское на спектакле и по очереди листали книжку!

— Что же, я могу один стих... — заявила Иллария и с выражением прочитала.

Это было непередаваемо, потому что она тоже когда-то была изрядная поэтесса. И она все стихи читала особенным образом — «проговаривала».

— А ты?

Но Кася смешалась.

— Меня нельзя считать чтецом. Я все как-то больше по театру.

— Да полно, возьми хоть одну штучку прочитай.

Кася прочитала, но с напряжением, не угадывая ритмику.

— Спасибо, девочки! — воскликнула Павлина. — Очень приятно.

На этом чаепитие в Мытищах закончилось, но Кася почему-то не ушла. Это был удобный момент, чтобы ее выставить за дверь. Небрежные слова уже готовы были сорваться с губ Павлины. Вдруг девочки зашептались.

— Ну, давай, давай, — послышалось: вроде сказала Иллария.

Потом:

— Да ну, как-то не того...

— Да давай.

В этот момент Кася достала какую-то коробочку и говорит:

— Коль дух парит, а дело перед праздником, хочу подарить нашей хозяйке одну маленькую красивую штучку.

Достала из коробочки маленькую яркую стрекозку и приколола Павлине на хомут у ворота. Вот так-так. Это был символ, ведь когда-то выходил в городе журнал «Стрекоза», но эпоха давно прошла. Это специально или нечаянно? Павлина стояла перед зеркалом как пришлепнутая. В новой прическе. С брошкой у горла. С пятнами на щеках. Куда-то улетела ее злость, и она все еще держала новую книжку в руках. Сама стала читать, прямо тут, в прихожей, пока девчонки одевались. Самый довольный вид был у Ларика. Она сама поставила весь этот спектакль.

— Я же говорю, все чудесно. Жаль, что ты не признаешь динамические медитации, они дают такое равновесие! А стихи хорошие, трогают.

И они вышли, подмигивая друг другу.

Через пару дней Иллария прочитала в Павлинкином блоге про это чаепитие. В личном сообщении она дала понять автору, что автор все опешляет. Павлина остолбенела. А как же двадцать лет знакомства? А как же умение ощутить позитив, динамические медитации? А как же посвященные ей стихи? Значит, она просто сама себе не понравилась в описании? Но ведь сама же учила преодолевать агрессию, прощать? Павлина долго сидела перед ярким монитором и вытирала бегущие по лицу дождевые капли. Потом вздохнула, исключила Ларика из друзей и решительно выключила компьютер. Ну да, иногда Павлина Игоревна просто невыносима.

ВИДАНА

У Нилы стиральная машина заурчала, как зверь, и на высоких оборотах начала биться боком о стену.

Это было ознобно слушать. Заглянула в ванну. Опять забыла, что надо на тридцать минут ставить, а то подшпигники стерлись. В это время звонок в подъезд. Никто не должен прийти в такой ранний час.

Видана не вошла, а скорее вкатилась в прихожую, гремя рюкзаком. Выпрямилась — полосатые волосы в стороны. Лицо горит, как фонарь. Куртка вишневая вообще наизнанку.

— Ты чего, Виданка? Откуда свалилась? И куртка на левую сторону...

— Молчи, френда. Я Упадышева.

— Кто-кто?

— И еще Свинына. И Дурищева. И Пьянкова.

— Ой, милая, да что с тобой? Еле разговариваешь.

— Так я вторые сутки Квасина! Дочь из дома выгнала. Не-не, не она меня, а я ее. Я ее...

— С ума сошла?

— Нет, я не Сумаспешина. Не могу больше. Застряну на часок? Все-го четыре пива.

— Проходи, — ужаснулась в душе Нила. День начинался плохо. На улице хлещет солнце из-за туч, ты прекрасен и могуч, стирка в разгаре, на обед ничего. Под окнами натужно подвывает мусорка: не в силах пробиться между личными авто двора. А дети садиковые гуськом обтекают оранжевую мусорку, хохочут о своем. «Нам не до смеха!» — поняла Нила, вытирая руки о халат и шаря в шкафу в поисках каких-нибудь сухариков-чипсов. Есть! Нилина каштановая стрижка мягко золотилась на солнце.

— Есть не хочешь? — протянула Видане хрустящий пакетик.

— Да ну, какое есть. Разве кусок в горло полезет после такого?

— Так что она сделала, дочь твоя?

— То, что она дочь моя. Вот что, — банка пивная хлопнула, как выстрел.

— Нет, не сюда. Садись на кухне. Я буду суп варганить.

Покрошенные соломкой капуста и морковь посыпались в парующую кастрюлю. Видана всхлипнула.

— Ты мне френда или нет? Или ты только ВКонтакте френда? То, что девочка шестнадцати лет сметает все из холодильника, никому не оставляет, — ладно. То, что всю косметику мою побрала, — ладно. Не здоровается — пусть. Да, я вела с ней беседы, приманивая тортом. Но она успевала съесть полторта и уйти раньше, чем я мораль свою прочитаю. Хлопок дверью в середине слова — вот такой от нее ответ! Ну а свои грязные кроссовки бросила, а мои надела — это как? Я на работу бежать — только ее бахилы в грязи и увидела. Но если у меня размер тридцать восемь, а у нее тридцать шесть, как я их напялю, а? Пришлось сапоги доставать! Еще как париться! Деньги получила, не успела спрятать — испарились! И ведь спит до двенадцати. Знает, что уйду... Ну я в юности тоже любила погулять и оторва была еще та. В общем, мы похожи. Но когда одежда пропадает, тут просто уже вопишь, как Вовпилкина.

И она пошла курить на балкон. А находясь там, выкрикивала фразы, продолжая причитать уже с улицы. Нила загрузила картошку, обжарила лук и побежала к балкону. Соседи наверху и по бокам тоже распахнули балконы для улучшения слышимости. Когда еще такой концерт услышишь.

Видана одернула яркую флисовую толстовку, и в комнату покатилась очередная пустая банка.

— Чего? Когда нет одежды? Когда у меня кончаются кофточка, джинсы, белье, я мужа зову: «Йонас, ну что делать?» Он кивает, что, мол, услышал. И все покупает сам, он ведь все размеры мои помнит, а я нет. А

тут я стала ругаться с младшей со своей, а он только спросил — собрала ее? Нет, не собрала. Ну а той вообще глухо, она неделями ходит и спит в одном свитере. Тогда Ионас сам все собрал. Свой сумарь дорожный достал. Все туда запрессовал. И повез...

— Куда повез, Видана? К деду с бабкой?

— Какое! Пусть поживут пока, они и так больные. Да есть у нас одна комнатка в заводской общаге, от родича досталось. Хотели продать. Вот туда и отвез.

— Так что ж ты орешь — выгнала, выгнала. Это ж не на улицу, это настоящая крыша над головой.

— Так ненадолго! Она ее спалит, конечно. Мы так потратились с мужем на ремонт, ночами там все скоблили, красили. Младшая наша постоянно в толпе неформалов ходит. А представь, что к ней человек двадцать завалятся, и что они с этой комнатой сделают? Хоть бы костер не жгли на полу...

— Ну зато со старшей легче будет, она у вас кроткая.

— Вот и кроткая. А младшая ее боится и не обижает, да и за нас сколько раз старшая заступалась. Попало бы нам по самое не балуйся.

Хлопнула входная дверь.

— Видана, тише кричи, там у меня сын обедать пришел, я отлучусь.

— Я люблю твоего сына.

— Чевооо?

— Люблю, хотя один раз видела. Глаза у него огненные, смертельные.

— Успокойся!

Видана заплакала, а Нила побежала на кухню.

— Ты что-то слышал?

Сын беззвучно смеялся, наливая суп в фигурную колобашку с ручками.

— Слышал, конечно. Она что, с утра?

— Да нет. Недавно пришла.

— Я по стадии слышу, что с утра. Она уже говорила, как отца любит?

— Перестань ржать. У Виданы стресс.

— Понятно. А у тебя?

— Да я стараюсь ее жалеть.

— Смотри, не свались тут до конца дня. От жалости. Знаешь, почему отца нашего любит?

— Почему?

— Потому что она Свинкина и Пьянкова, а он с ней говорил, как с герцогиней. Слова такие нашел, что она ему поверила.

— К нему надо прислушиваться.

— Иди, прислушайся к подруге. Она там что-то уронила.

В солнечной комнате пылинки клубились над упавшей на ковер Виданой. Нила подсуетилась, чтобы переместить ее на диван.

— Видана, ну ты чего вообще? Где твой телефон?

— Нарочно не взяла! А то возьму да уйду, а надеяться не на что. И напьюсь.

— А сейчас как? Ты думаешь, я тебя дотащу?

— Нет, обожди... Меня может дотащить только мой Ионас. Он знаешь сильный какой? Он всегда р-работает, ковчик хороший. Они беседки куют, оградки... А дед был кузнецом...

Она упала в подушки. И резко сменила тему.

— Я же летом ездила на юг. Одна!

— Как? А Йонас как же?

— А он заметил, что собираю манатки, и усмехнулся: «Что, опять? Вот дура». Он, конечно, не доволен, но знает, что меня надо на свободу отпускать! Знает... Он сам такой. Вот так хитро прищурился и опять сидит, решетку из прута гнет. Зато перед поездом так меня отлюбил, что мама не горюй. А когда вернулась через три недели — так еще сильнее.

— Ну еще бы не любил. Ты вон какая женщина: грудь — как пирог с яблоками.

— Нилка, френда. Не заливай, пошарь в карманах. А то засну.

Нила послушно пошарила в ее куртке и нашла номер телефона на обрывке газеты.

— Нашла? Звони, чтобы Йонас пришел и забрал меня.

— А он ругаться не будет?

— Он ругаться будет, если уйду и засну не дома. Искать будет.

Нила лихорадочно стала набирать номер.

— Алло, Йонас? Это Нила, ээ... подруга. Тут у меня Видана разлеглась. Не могли бы вы... Она вроде уже сама не может идти. Ага, диктую адрес.

В это время Видана, закрывая глаза, бормотала, что многие расы к женщине относятся так себе, а вот он, дескать, совсем не такой... Наоборот...

Где-то через полчаса подъехала под окна машина, красная «хонда», и вошел Йонас. Стало неловко, словно артист вошел — широкоплечий, плотный, в черной водолазке, черных джинсах и жилетке кожаной. А шляпа! Может, потому, что лысый, надвинута низко на глаза, которые на Нилу даже не посмотрели. Он быстро одел Видану и повел прочь, застегивая на ходу. Движения были размеренные, привычные. На ходу он даже волосы лохматые погладил. Нила едва успела ему на плечо повесить опустевший тощий рюкзак Виданы. И уже с лестницы услышала, как он ей выговаривал:

— Ну что так долго? Вот не идешь ножками. Надо было раньше звонить.

Мало было похоже, что он обозлен, и тем более, что он ее ругал. И Нила невольно позавидовала френде. Не каждый ведь домой после пьянки так бережно повезет.

Видана в обычном состоянии была молчаливой, улыбочивой и покладистой. А вот когда на нее находило, она разливала по миру свою безбрежную любовь, и не было с нею сладу, с этой любовью. Нила, пробегая мимо их дома, видела на балконе мельтешащую фигурку Виданы, которая что-то или выколачивала, или заколачивала, или красила. Изредка она тихо курила, приветствуя свою френдю плавным круговым жестом.

Нила же, наоборот, была поспешной и торопливой. Но ее спешка часто напоминала бег на месте.

В один из дней, полный беготни и неотложных мелких дел, Нила навесила на себя обе руки сумок и чуть живая пришла домой. Толкнувшись в первую дверь, кое-как открыла; толкнувшись во вторую, наткнулась на стену. Это — ап! — дверь захлопнулась. Там был ржавый замок, им давно не пользовались. Как он закрылся? Видимо, от сильного хлопка механизм дернулся. Руки-ноги стали чугунные. Внутри натянулась тоска мокрой веревкой. Машинально перезванивая мужу и сыну, утеше-

ния не получила. Хотя все они — френды, и не только в сети. Мужчины работали и никуда с работы уйти не могли. Дыхание прерывалось. Сумки стыдно валялись на виду, приткнувшись к стене. Позвонила дочке, та — своему другу.

— Мама, не дергайся, сейчас приедет мой друг Рыба, он откроет.

Но минул еще час, никто не шел, не ехал...

Нила в панике позвонила знакомому в мастерскую, и тот дал ей телефон подходящей службы, но терпенье уже кончилось. Почти без сознания Нила набрала телефон Виданы:

— Дверь захлопнулась. Я ничего не понимаю. Уйти не могу, жду Рыбу и всех, кто может прийти. Помогите, а?

— Какую рыбу? Да ты там бредишь, френда!

Вскоре пришлепала знакомая фигура в расстегнутой вишневой куртке. Это была под ноль остриженная Видана в туземном макияже и с улыбкой во все лицо. Она, как фокусник, взмахнув руками, достала из-за пазухи термос и налила Ниле горячего чая. Это на холодном-то ветру. Боже, ты есть.

— Не горюй, френда. Я вызвала медвежатника. Они, правда, от третьих лиц заказы не берут, но я сказала, что паспорт у тебя есть в захлопнутой квартире. Учти, надо две тысячи, я принесла. Стой. Не падай, я не хочу с ними разбираться одна. Кто у нас пострадавшая? Ты пострадавшая. Если надо кой-куда, отпущу, тут кафе рядом. Но только быстро.

Нила никуда не пошла ни быстро, ни медленно. У нее настало оцепенение всего тела, и внутреннее тоже. Впала в анабиоз. В отличие от Виданы, она совсем потеряла способность думать. Тем более что они все приехали разом — и дочка, и Рыба с инструментом, и юный медвежатник в маскировочной форме, и муж с деньгами, и все укоряли Нилу, что она такая раззява, а сын деньги на карту выслал. Взлом происходил недолго: по сравнению со всем ожиданием — даже мгновенно. Все, сгрудившись, смотрели. Муж вспомнил, как сама же Нила эту вторую дверь велела снять и на дачу увезти. Она там стояла полгода в снегу, так что удивительно, как она не распалась на составные части. А потом по просьбе дочки ее привезли обратно для тепло- и звукоизоляции. Возвращал на место приятель Нилы, который ныне ушел в мир иной. Замок-то был надежный, но всему есть предел. После снега он вряд ли стал лучше...

А потом Видана обнялась со всеми и пошла к себе, а Рыба к себе. А медвежатник взял выручку и тоже уехал, сказал, что уйма работы. В городе было полно людей с захлопнувшимися дверями... А все остальные пошли к Ниле.

Каждый сел, где хотел, — кто чай пить, кто газету читать, дочка стала пиццу из холодильника разогревать, муж замок откалывать от двери, чтоб больше такого не повторилось. А Нила загрузила недостиранное белье в стиральную машину. В том числе свой длинный халат, до которого всегда не доходила очередь. И конечно, через некоторое время машина опять начала биться боком об стену.